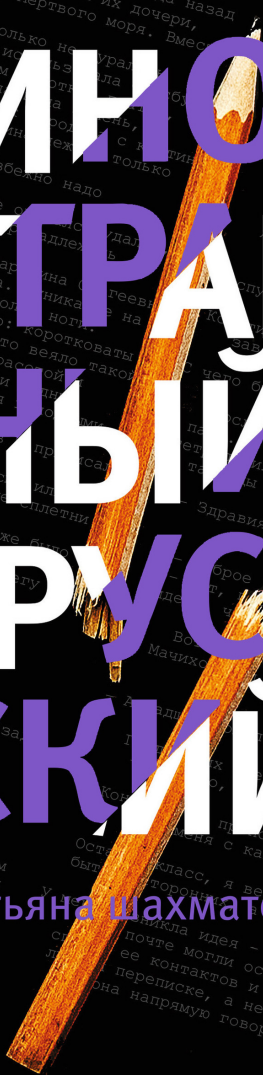


ИНО СТРАН НЫЙ РУС СКИЙ

татьяна шахматова



Каролина не только и их дочери, где Каролина в лужу и ее сорочку, валящимися волосами, тарий, который м... никому: нятся, тебе самой... Каролина в... графией. На... или юбка... ины бедра... назвать об... этих ног... ой, такой... ные нам... стороне, прич... бшение туче... сам препода... авно распу... сморпеть с... это ее соо... дихся до сл... о просто с... мо проплыв... жет быть, у... потом можно... авел и Каро... стьями по... реподаван... год или око... ргда-то по... тически невоз... тересовала м... й анализ... тель коротк... тих шуточн... покоя. И задал по... и вспыхнула... л. I Вы повто... нно слышать... евороте, кот... невича, пускались

не года назад... ходили глухие... зывали с имен... Другие цитаты... пафосн... Примерно тот... но представл... современной компе... рати, над кот... с речью... инте... тоже завистни... это тоже ч... склонность к... изыскани... удивлению, студ... ли открыты, гудел... с прошлого за... товарищ преп... - сказал я вино... Саша-джан, - п... пришли давно, воссе... Мои орлы меня выгор... бычку поверять кл... Ф... инет майора Мачи... глаза, я вдрут... тотал я. - Тогда... - смиренно... какой-то доселе несвой... на кафедру. Се... преподаватели не верн... Каролины не так... оповещения. Мн... что она об... в публичной беседе... кто те самые вра...

Татьяна Сергеевна Шахматова
Иностранный русский
Серия «Виктория Берсенева», книга 4
Серия «Филологическое
расследование»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40263828
Иностранный русский: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-092379-3

Аннотация

Студент Саша по протекции своей тетки, эксперта-филолога Следственного комитета Виктории Берсеновой, устроился преподавать русский язык иностранцам в военный институт связи. Конечно, он готовился к тому, что афганцы – люди абсолютно другой культуры. Однако, пообщавшись с ними поближе, Саша начал считать их чуть ли не инопланетянами! Не успел он наладить контакт с учащимися и включиться в рабочий процесс, как стал одним из подозреваемых в деле об исчезновении заведующей кафедрой, Каролины Сергеевны Ивановой! У нее было много недоброжелателей, под подозрением все преподаватели и некоторые студенты. И чтобы выяснить, куда пропала Каролина, Саше придется применить все навыки, что он

получил, работая вместе с Викторией над самыми запутанными делами, ведь она умеет вычислять преступников, даже не выходя из дома, по одним только текстам...

Содержание

Где?	6
Зачем?	14
Что это?	20
Кто это?	26
Кто какой?	29
Трудности фонетики	38
Кафедра	50
Чаю гению!	61
Фонетические разминки	68
Я чилавэк багатый	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Татьяна Шахматова

Иностраннный русский

© Шахматова Т.С., 2019

© Оформление. Я. Паламарчук, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Где?

Может быть, кто-то начинает с другого вопроса, но я начал с вопроса «где?». Это была моя первая, но не единственная ошибка.

Ответ на этот вопрос оказался некрасивым и неожиданным.

Сидеть неудобно. Встать с заплыванной старой лавки нет никакой возможности. В тупиковом коридоре, отгороженном от всего остального мира железной решеткой грязно-зеленого цвета, имеются только двери и ни одного окна. Пахнет пылью. Меня мутит, то ли от того, что я снова не успел позавтракать, то ли от ужаса, то ли от того и от другого. Изредка из кабинета в кабинет проводят кого-нибудь на допрос. Многие в наручниках. У кого-то руки сложены лодочкой на пояснице, у кого-то – на животе. Кому как повезло или кто как провинился. У меня один наручник надет на руку, а другой пристегнут к лавке. Целый час, а может быть, два, на меня никто не обращает внимания. Телефон отобрали еще на входе, заняться решительно нечем.

Где? «В отделе по особо тяжким делам». Привезли меня сюда прямо с места преступления: так теперь в полицейских отчетах называется институт и кафедра, на которой я работаю. Я один в городе. Даже если бы мне вернули телефон, звонить все равно некому. Хуже не придумаешь.

Наконец открылась дверь с табличкой «капитан Садыков С. М.». Капитан сам отстегнул мой наручник и с притворной вежливостью пригласил в кабинет:

– Заходите, Александр Сергеевич, подпишем протокол задержания.

* * *

Сейчас, находясь в отделении полиции, я вспоминал последние два с небольшим месяца, как сон. Я бы много отдал за то, чтобы можно было проснуться или начать все сначала.

Как я уже упомянул, начал я с вопроса «где?». А это не самый лучший вопрос для вступления в беседу.

Если, например, использовать вопрос «откуда?», то создается даже определенная светская отстраненность, романтическая дистанция: «Откуда вы?», «Were are you from?», «D'où venez-vous?». К такому разговору не придерется даже чопорный англичанин.

– Прекрасная погода, не так ли?

– Чудесный денек! Там, откуда я приехал, не часто увидишь такое ясное небо.

– А откуда вы?

– Из Йоркшира.

Хорошее начало хорошего разговора.

В свою очередь, вопрос «где?» очень фундаментальный. Он вторгается в вашу личную жизнь, как айсберг в механи-

ческое нутро «Титаника», режет, колет, заливает холодной водой. Он удобен разве что на допросе: «Где вы живете? Где работаете? Где учитесь? А где мы сейчас?»

Однако методичка советовала начать именно так, и я начал, потому что собственного опыта для собеседования иностранцев у меня не было. Причина банальна: чтобы ответить на вопрос «где?», в русском языке достаточно использовать только одно окончание Е. Где? *В городЕ, в квартирЕ, в полЕ, на заводЕ, в университетЕ, в МадридЕ, в МосквЕ.*

Предложный падеж, отвечающий на вопрос «где?», методичка рекомендовала отныне звать падежом номер шесть. Помните? Именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный.

А теперь представьте, что это все вам надо объяснить не вертлявому балбесу-пятикласснику Вовочке, а человеку, который не то что читать-писать по-русски не умеет, но даже русский алфавит видит впервые и испытывает в его отношении примерно тот же ужас, что вы перед арабской вязью, которой подписан ничейный чемоданчик, одиноко стоящий у колонны в аэропорту Шереметьево.

Если продолжать это пугающее сравнение, то русский язык в чем-то действительно похож на взрыв. Взрыв мозга. Причем, если мозг студента имеет шансы выжить за счет общего пофигизма или просто непроходимой невосприимчивости к иностранным наречиям, то мозг молодого преподавателя будет истреблен в этой борьбе до самого позвоночно-

го столба.

Итак, два с половиной месяца назад я устроился преподавателем на кафедру русского языка как иностранного в Институт связи, который готовил военных связистов, инженеров и специалистов по телекоммуникациям. С этого все и началось.

Если бы я был домохозяйкой Наташей, женой грека, болгарина или француза, что живет в Европе и воспитывает двоих чудесных ребятишек, то я был бы уверен в себе. Мне не помешал бы строгий взгляд из-под очков Галины Петровны, моей школьной учительницы по русскому и литературе, оставшейся на далекой родине и позабытой, словно холодный, предутренный кошмар. «Опять тройка», – говорит строгий взгляд из-под очков, и на носу у Галины Петровны шевелится бородавка. «Поедем и поедим – это разные глаголы, деточка, разные!» «Одевать Надежду, надевать одежду». «Жи, ши», «ча, ща», «жюри», «цыпленок на цыпочках»...

«Прорвемся», – беззаботно подумал бы я, будь я Наташей, и даже не поежился от смутно-тошнотворных воспоминаний о желтых, как в бреду Раскольникова, кирпичях сборников ЕГЭ. Если бы я был волоокой Наташей с третьим размером груди и тоненькой экспортной талией, я танцевал бы со студентами под «калинку-малинку» и научил бы их пить русскую водку с соленым огурцом собственного приготовления.

Но я не Наташа, а студент-третьекурсник филологического факультета и знаю о русском языке уже довольно много,

чтобы вот так вот запросто взяться за преподавание просто потому, что я сам говорю по-русски. В общем, это была сделка: с собой, с профессиональной этикой и с самой жизнью.

В мой первый преподавательский день в классе я обнаружил шестерых парней. Нам всем было не по себе. Я знал, что парни примерно моего возраста, но выглядели они явно старше. Смуглые, желтовато-коричневые лица, обветренные, почти бесцветные губы, одинаково черные густые шапки волос. Парни сутулились и держали руки под партами.

На меня они смотрели с недоверием. Сильно ухудшал ситуацию тот факт, что молодой человек за первой партой был косоглаз и его взгляд словно сковывал меня по обеим сторонам туловища: левый луч – с правой стороны, а правый, соответственно, – с левой. Я боялся пошевелиться, у меня было чувство, что он специально поставил растяжку, чтобы в конце концов я угодил в нее и подорвался.

– Здравствуйте! – выдавил наконец я и попытался улыбнуться.

Они молча ощупали меня взглядами, остановились на моем лице и очевидно жалкой улыбке. Наконец один из парней, самый старший на вид, поднялся и произнес: «Здрави дала тувари парипудуват».

Я понял, что так их научил полковник на предучебном инструктаже. Это следовало перевести как «здравия желаю, товарищ преподаватель». По-русски они не говорили и также

ровным счетом ничего не понимали.

Парень сел. Судя по всему, он и есть лидер группы. Лидер был склонным к полноте, широкобровым, волосы его торчали в разные стороны, на щеках двухдневная щетина. Выглядел парень грозно. На лице его не отразилось ничего, он даже не сделал попытки наладить контакт.

– Меня зовут Александр, – представился я и показал рукой себе на грудь. – Я – Александр. А-лек-сандр. Я – Александр, а вы?

Я вытянул руку вперед, показывая на сидящих.

– Хо, – отозвался вдруг косоглазый, показал на себя и четко произнес: – Мохаммад.

– Спасибо. Очень приятно, – сказал я и повторил: – Александр. Мохаммад.

После этой нехитрой процедуры я перевел взгляд на студента, сидевшего рядом с Мохаммадом.

– Биалал, – кивнул тот.

Я мысленно выдохнул. Это не было случайным совпадением, они действительно поняли, чего я хочу от них!

Биалал был высоким, здоровым, раза в полтора крупнее своего соседа. Он вытащил из-под парты одну руку, и я невольно задержал взгляд. Это была кисть дровосека. Ручка, которую он держал между пальцев, казалась размером со спичку. Биалал стал первым человеком в этом классе, который улыбнулся мне. Я улыбнулся еще шире.

Следующим представился Кашмир, парень, похожий на

картинного арабского шейха. Тонкий нос, большие миндалевидные глаза. На мое приветствие Кашмир сощурился и что-то пробормотал на своем языке, но после сурового взгляда, который на него кинул староста, послушно промямлил свое имя.

Рядом с Кашмиром сидел сам староста, звали его Ахмадшах.

Первую парту второго ряда занимали Захарулла и Самандар. Захарулла был худым и адски черноглазым; черные отросшие кудри, венчавшие вытянутое огурцом лицо, делали его голову похожей на швабру. Самандар же был самый светлый из всех. Он взглянул на меня, и я заметил – глаза у этого перца совершенно круглые с вытянутыми кожными стрелками по бокам, как будто кошачьи. Самандар отвел глаза и уставился в парту.

Мохаммад Ходайи, Билал Актари, Кашмир Хайдари, Ахмадшах Ширзад, Захарулла Хан и Самандар Садат. По списку я знал их всех. Теперь эти чудные для моего уха фамилии предстали в реальных образах ребят моей группы, и чем больше я всматривался в их темные непроницаемые глаза, чем дольше разглядывал их жесткие, плотно сомкнутые рты, острые каменные скулы, недоверчивые позы, тем отчетливее понимал, что ни о каком падеже номер шесть, а тем более о светских беседах не может быть и речи. Глупости. План рухнул. Методические ножки моего колосса оказались из глины и кизяка.

Мои студенты не знали ровным счетом ничего, чистые, ничем не омраченные нули. Они не удосужились изучить даже алфавит перед приездом в Россию и переломали языки задолго до слова «здравствуйте». Даже мое имя показалось им настолько сложным, что пришлось согласиться на витиеватое и нескромное Саша-джан.

Зачем?

«Зачем?» и «Почему?». Ненавижу, когда условная жена европейца Наташа путает эти два слова, хотя все очень просто: зачем – это вопрос о цели, а почему – о причине.

Но это грамматика, а в жизни отличить «зачем» от «почему» не всегда просто. «Цель» – точно не то слово, которое двигало моей рукой, когда я подписывал полугодичный контракт на работу со студентами из Афганистана. Цели у меня не было. Во всяком случае, никакой определенной цели. Может быть, что-то в подсознании, так сказать, имплицитно, но и это вряд ли. Имелась ли причина? Пожалуй, да.

Выползая из аудитории после первого занятия, я как раз подумал о причине. Я был мокрый, как будто меня окатили из ведра. Всю пару я занимался тем, что шарил по карманам своей памяти, как алкоголик, потерявший последние деньги на водку, не находил ничего, пугался, смущался и потел. И так час тридцать. Я не мог вспомнить ни слова из прочитанных методичек, не понимал, что несу и на каком я свете вообще нахожусь.

Преподавать без всякого опыта работы, с незаконченным образованием я устроился по благу.

– Любой третьекурсник справится, – заявила моя тетка Виктория.

Это, безусловно, был заход со стороны честолюбия. Вик-

тория тоже филолог, кандидат наук, ее крутизна недостижима, авторитет упирается кроной в поднебесную, а брат на слабо – ее любимый приемчик. Вика – младшая сестра моей мамы. Несмотря на то что слово «тетя», «тетка» или тем более «тетушка» звучит по-взрослому благообразно, Виктория не очень соответствует образу от этого слова. Она старше меня на двенадцать лет, и фактически мы выросли с ней как брат с сестрой в дореволюционных семьях, где у старших и младших детей могла быть разница и побольше.

Моя тетка – эксперт-филолог, и у нас с ней вроде как семейный бизнес. Мы работаем на прокуратуру и следственный комитет, иногда берем дела от частных заказчиков через адвокатов. Вернее, работает Виктория, а я помогаю, можно сказать, что я секретарь. Дело у нас довольно прибыльное, потому что язык и жизнь в последнее время стали совершенно неразделимы. Например, мы ищем мошенников, плагиаторов, вымогателей, а иногда даже настоящих убийц по записям в Фейсбуке, эсэмэскам, почте, запискам, каментам на сайтах. Вика может многое сказать о человеке по его ошибкам и фигурам речи: молод он или стар, образован или не очень, конфликтен, склонен ли к агрессии, глуп или умен. Мы находим манипуляции в предвыборных кампаниях, выявляем обманщиков и мошенников среди предпринимателей, обличаем клеветников, помогаем отбивать информационные атаки.

В тот злосчастный день тетка, как обычно, работала дома,

где я ее и застал, вернувшись после занятий в универе, чтобы занести ей молоко. Вика любит кофе с молоком, особенно когда работает, но не любит вставать с дивана, и поэтому если не принести то, о чем она просит, то это будет кофе без молока, бутерброды без хлеба, а однажды были пельмени без пельменей. Да, представьте себе – вода с приправкой. Потом, конечно, будет обострение гастрита, вопли самой Вики, вопли моей мамы, давление бабушки. Упреки, что ж я за человек такой!

В общем, если вы боитесь ада, поживите в семье амазонок вроде моей: отличная тренировка перед любой преисподней.

Я, конечно, люблю Вику. По праву старшей, она многому меня научила, но вот быть старшей и вести себя как старшая – это совершенно разные вещи. В наше время люди не торопятся взрослеть. Вика в ее тридцать с небольшим хвостиком не то что не торопилась, а я бы сказал – старательно отставала.

Так вот, мы живем в одном доме в соседних подъездах, и я просто занес молоко.

– По-моему, это не мое, – сказал я, когда Виктория озвучила мне предложение своей бывшей одногруппницы преподавать русский иностранцам.

Хотя сама Виктория не преподавала, она поддерживала связи с научным миром.

– Твою подругу, заведующую кафедрой, зовут Каролина Иванова? – Я нашел еще один аргумент.

– И что? – Вика посмотрела с удивлением. – Какая разница, как кого зовут?

– Еще какая разница! Это как в какой-то глухой деревне, где только и делают, что смотрят сериалы, живут Анжелика Иванюкова или Амалия Бурлакова. Такое имя само по себе не предвещает ничего хорошего.

Виктория покрутила пальцем у виска, но тему развивать не стала.

– Сентябрь уж близится, а препода все нет, – задумчиво проговорила Вика, наливая в свой кофе свежего молока.

– И не проси!

– Работать с иностранцами – это отличная возможность понять русский язык. Как бы взгляд со стороны, – настаивала она.

– Мне и изнутри пока неплохо, – отмахнулся я.

Привыкнув к тому, что филология – это что-то остросюжетное, я не стремился ни в университет, ни тем более в военный институт с его строгой дисциплиной.

Я уже был в дверях, когда Вика огорошила своим главным аргументом:

– Но тебе же надо будет на что-то жить в ближайшие пару месяцев. Вуз – это хотя бы какая-то зарплата. Пусть небольшая, зато стабильная.

Я остановился. Это что? Неизящный способ увольнения? Конечно, у нас с теткой бывали разногласия, но чтобы вот так вот вдруг, ни с того ни с сего, да еще накануне срока

платы за квартиру...

На журнальном столике перед Викторией лежала газета, утыканная, как бык на корриде, цветными стикерами. У нее явно новое дело. Я с надеждой посмотрел на газету, но тетка отрицательно покачала головой, проследив за моим взглядом:

– Ничего интересного. И не предвидится, – сказала она, вздохнув. – Кроме того, я несколько лет не была в отпуске, так что у меня прилично накопилось. Два месяца, представляешь? Вот я и решила бросить все и съездить отдохнуть.

С этого надо было начинать. Хотя раньше я не замечал за Викой дауншифтерских стремлений.

– Ты не сможешь отдохнуть два месяца подряд.

– Ну, во-первых, меня не спрашивают, смогу или нет – положено, извольте отгулять. А во-вторых, это смотря как отдыхать, – загадочно проговорила Виктория, и я понял, что идея с отпуском ей чрезвычайно нравится. А если уж такой женщине, как моя тетка, что-то нравится, то все остальное вылетает в трубу.

В общем, причина была банальна. На вопрос «почему» можно ответить очень коротко: я остался без бабла и, чтобы не вылететь в финансовую трубу по-настоящему, решил непыльно подработать. Только под темными недобрыми взглядами моих учеников я понял, как был наивен. На секунду опустив глаза, скрываясь хоть на миг от их пристального внимания, я глубоко вздохнул и подумал: «Так, спокой-

но, помни про чадар».

Что это?

Второго сентября Каролина Иванова встретила меня у проходной. Викина одноклассница и мой работодатель оказалась молодой интересной женщиной, высокой и довольно крупной. Мой рост – метр семьдесят пять, дама была немного выше меня и шире по всем параметрам. Внешность Каролины полностью соответствовала ее громкому королевскому имени. На ней был черный укороченный пиджак и обтягивающая бедра белая юбка, подчеркивавшая огромный перепад между талией и бедрами. Волосы женщины имели удивительный винный цвет, блестели на солнце и рассыпались по плечам густым многоуровневым каскадом. Грудь Каролины топорщилась под пиджаком и могла бы служить запасным аэродромом для легкой авиации. Возможно, порножурналы с моделями плюс сайз могут похвастать и более вычурными формами, но здесь все было честно, без фотошопа. Амфора-великанша. Ко всему прочему, Каролина была на каблучках.

– Спасибо, что выручили, – улыбнулась Викина приятно, и я наконец разглядел ее лицо. Вполне симпатичное, круглое, светлые глаза, хорошо прорисованные нос и рот. Взгляд открытый, цепкий и умный: оценивающий взгляд охотницы. Она мгновенно разделала меня, как тушку барашка в мясном отделе. – Вы так похожи с Викторией. Лицо,

комплексция, даже цвет волос и глаза... Просто удивительно!

Она несколько секунд смотрела на меня, считывая реакцию, а затем тряхнула шевелюрой, не церемонясь, подтолкнула в плечо и увлекла за ворота.

– Я вас сейчас быстро введу в курс дела, но вы не бойтесь, методика – дело наживное. Важнее наладить контакт, а самое главное для этого у вас уже есть... – тараторила Каролина, шагая по аккуратной дорожке вдоль березовой аллеи.

Вдали виднелся плац с уличными спортивными снарядами, чуть дальше собственный стадион и беговые дорожки. Мы же направлялись в сторону учебных корпусов. Их было несколько зданий. Приличная территория.

– Что самое главное? – переспросил я, догоняя ее.

– Самое главное, – повторила Каролина, остановилась и вдруг хитро улыбнулась, профессионально продлив паузу.

– И что это?

– Мы опаздываем. Идемте, идемте, – подгоняла она, сама прибавляя шаг.

Каролина говорила хорошо поставленным голосом, шагая широкой уверенной поступью, ее увесистые налитые ягодицы опасно распирали юбку, казавшуюся слишком узкой для столь богатого содержимого.

Наконец мы вышли с аллеи на дорожку, ширина которой позволяла идти рядом, а не гуськом. Как только я поравнялся с ней, она улыбнулась мило и продолжала:

– Как на большинстве языковых кафедр, у меня женский

коллектив. Раньше проблем не возникало. У нас были ученики из тридцати пяти стран, со всех континентов, самых разных вероисповеданий, но с таким мы столкнулись впервые. Студенты потребовали, чтобы преподаватели-женщины надевали на занятия чадар! То есть чадру, если по-русски.

– Студенты требуют, чтобы вы надели чадру? – переспросил я, немало удивившись.

Каролина выразительно посмотрела в мою сторону и тут же проговорила со смехом и характерным акцентом, смешно утрируя интонацию:

– Бэшэный баб должэн насить чадар!

– В каком смысле *должен*? – продолжал недоумевать я. – Разве ваши студенты не в курсе, что приехали учиться в светское государство? Почему мы в своей стране должны жить по их законам?

Откровенно говоря, я начал нервничать, но Каролина сделала успокаивающий жест рукой:

– Саша, это не опасно. Я знаю, вы подумали сейчас о радикальных исламистах, которыми нас постоянно пугает телевизор, но уверяю вас, это не наш случай. Генерал уже пошутил, посоветовал им: «Флай Дубай».

– Что посоветовал?

– Так называются авиалинии Объединенных Арабских Эмиратов. Дословно: летите в Дубай...

Неожиданно Каролина остановилась и нахмурилась. Лицо ее приобрело строгое выражение, что сильно ее портило и

старило.

– Не знаете английского? – озабоченно спросила она.

– Знаю, – пробормотал я, совершенно сбитый с толку.

Конечно, я в курсе, как переводится фраза «Флай Дубай» и без всякого английского. Вика, кстати, как раз вчера заказывала туда билеты.

– Это хорошо! – резюмировала Каролина.

– Что хорошо?

– Английский знаете. – Она снова зашагала бодро, продолжая говорить: – Генерал имел в виду условный Дубай, конечно, то есть, если кому-то что-то не нравится, пусть летят учиться в мусульманскую страну. Там будут и чадар, и чапак с золотыми помпонами, и намаз по пять раз в день. А тут, будьте добры, по местному уставу. Но они шуток пока не понимают. Бастуют и отказываются идти в класс. Что поделаешь, избалованные дети, все из богатых и известных семей. Из стран третьего мира только такие и приезжают. У остальных просто нет возможности. Мажоры, одним словом. То есть нет, все-таки два слова: «дикие мажоры»!

Каролина снова рассмеялась, а я подумал, что она совсем не уважает своих студентов, раз говорит так с едва знакомым человеком. Как будто прочитав мои мысли, она проговорила:

– Поработай на подготовительном факультете, потеряй веру в человечество. Так у нас говорят! Всяких причуд тут насмотритесь. Но подготовишки все равно славные. Подготовишки – это первый год обучения. То есть студенты ничем

другим не занимаются – только учат русский язык. За год мы должны обучить наших деток настолько, чтобы они были в состоянии слушать лекции наравне с русскоязычными студентами.

– Это возможно?

– Вполне.

– Только за год?

– Уверяю вас!

От напора, с которым Каролина сыпала словами и понятиями из совсем незнакомой мне жизни, от ее бурлящей энергии и этого галопа по территории института я никак не мог сосредоточиться и тупо глядел на натягивающуюся материю белой юбки: интересно, лопнет или нет?

– Значит, вам нужен преподаватель-мужчина, чтобы закрыть претензии про чадар? Чтобы они успокоились и начали учиться?

– Еще чего! – запальчиво кинула она через плечо, но шагу не сбавила. – Просто повезло, что вы согласились. А вообще, продержитесь хотя бы до следующего семестра. А там посмотрим. Сейчас же я обещаю всяческую помощь и советом, и материалами, и методике вас обучу, и на подхвате буду, на всякий случай.

После этого щедрого обещания заведующая кафедрой обрушила на меня целую гору терминов, вроде «без языка-посредника», «интерференция», «языки персидской группы», «падежный принцип», «виды речевой деятельности», «линг-

вострановедение», «поурочный план», «методический практикум» и другие, которые она искусно сплетала в длинный, лихо закрученный текст. Из всего этого я понял следующее: несмотря на узость своей юбки и нагловатые манеры, Каролина Иванова не только генеральская дочка, но также и неплохой специалист в области преподавания русского языка. Самым же удивительным мне показалась ее искренняя увлеченность делом. Честно говоря, не ожидал этого от блатной заведующей кафедрой.

Кто это?

Через неделю после моего появления на кафедре расстановка сил там изменилась совершенно.

– Это вы. Вы – это раис, – сказал мне Ахмадшах и передал бумагу, написанную на языке дари.

Слово «раис» я узнал в первые же дни работы с афганцами. «Раис» означает начальник.

Каролина вызвала переводчика, который объяснил, что на бумаге написан полный список приехавших на обучение студентов.

– Ну вот, видите, я же вам говорила! – почему-то развеселилась Каролина. – Все самое главное – у вас есть. Теперь вы – это «кто-то» для них. Большой человек. Раис.

С точки зрения обычной логики, жест старосты не имел никакого смысла: все списки студентов на кафедре давно имелись, а наши черноглазые друзья были сосчитаны по головам не только сами по себе, но также вместе со всеми их высокопоставленными родственниками. Однако надо понимать, что мы имели дело с людьми Востока, поэтому с точки зрения субординации и иерархии это было гигантским скачком вперед: студенты пошли на переговоры. Чтобы быть точным, надо все-таки оговориться, что скачок, который Каролина со свойственной ей метафоричностью окрестила прорывом плотины, был все-таки не вперед, а вбок.

Линейной европейской логикой решение наших студентов назначить меня раисом объяснить невозможно. Я был самым младшим на кафедре, без опыта работы, без специального образования, студент-недоучка. Какой я раис? Однако афганцев это не волновало. Наличие у меня штанов легко уравнило меня в их глазах с Каролиной, которая к своим тридцати пяти имела ученую степень, десятилетний опыт преподавания, кучу публикаций, методических находок и собственных ноу-хау, которые она демонстрировала с поразительной легкостью, словно ловко играла с группой в пинг-понг, а не вела занятие на какую-нибудь сложновыдренную тему вроде «наречия места и времени в русском языке».

Сказать, что мне было неловко от этой ситуации, это не сказать ничего.

Несмотря на все мои опасения, Каролина оказалась человеком адекватным и опытным:

– Главное правило преподавателя РКИ – это объяснить.

Она все еще разглядывала завитушки Ахмадшаха.

– Надо для этого петь – пойте, надо танцевать – танцуйте. Понадобится пройтись по классу вверх ногами – вперед, только постарайтесь не запачкать побелку, все-таки казенное учреждение. Это называется «коммуникативные методики обучения». Так что теперь вы – раис.

Заведующая подмигнула мне: «понятно?»

С этого момента начался наш негласный договор и стран-

ная игра под названием «кто раис?».

На подготовительном курсе студентов было всего двадцать человек. Пользуясь своим новым положением, я донес до них мысль о том, что заниматься они будут в трех группах. В одной буду преподавать я, во второй – Каролина и в третьей преподаватель Ольга. Все трое без всякого чадар.

Студенты неожиданно легко согласились, свернули забастовку, и дело потихоньку пошло.

К концу второй недели они уже худо-бедно знали русский алфавит, потихоньку осваивали письмо слева направо и уверенно отвечали на вопросы «кто это?», «что это?» в рамках изученной лексики.

– Это генерал. Это преподаватель. Это студент. Это карта. Это Россия. Это Афганистан. Это можно. Это нельзя. Это плохо, а это хорошо.

Кто какой?

– Совсем озверел черный Абдулла! Ни своих, ни чужих не жалеет! – Я в сердцах выругался, заходя в квартиру тетки.

– Абдулла – это твой студент? – спросила Виктория, неохотно поднимая голову от бумаг и книг, которыми она обложилась, как фараон золотыми цацками.

Все было как обычно: Вика восседала на диване, наполовину погребенная под слоем бумажной продукции, ничто не намекало на то, что она собиралась в двухмесячный отпуск.

– Мои студенты на многое способны, но до такого, надеюсь, не дойдет! – сказал я и бросил на пол свою сумку, мокрую и мерзко воняющую. – Что теперь делать? Как это отмывать? Я пытался мылом – бесполезно. Запах не исчезает!

Виктория высвободилась из-под своего импровизированного саркофага и подошла ближе.

– Филюша? – спросила она, озабоченно рассматривая влажную кожу.

– Нет, блин, Пушкин Александр Сергеевич!

Меня бесила привычка Виктории называть это недоразумение природы Филюшей. Этот кот приучил ее, и она сдалась. Кот был не мой. Его настоящая хозяйка говорила, что назвала свое чудовище в честь Филиппа Киркорова. Ни на Фила, ни на Фильку, ни даже на Филиппа кот демонстративно не реагировал. Он требовал обращаться к себе исключи-

тельно как к Филюше.

Досталось мне это сокровище в качестве взноса за аренду квартиры. Мне следовало задуматься, как только я увидел его задницу – она была ничуть не меньше моей собственной. Кот был черен, словно южная ночь, и блестел, как только что начищенный сапог.

Ольга Витальевна, квартирная хозяйка, была вынуждена оставить своего драгоценного Филюшу на попечение чужих людей, в то время как сама самоотверженно отправилась в Италию, помогать дочери растить внуков. Хозяйка уже начала было собирать ветеринарные справки, чтобы переправить этого черношерстого счастливица на берега Средиземного моря, но тут удача, обычно к Филюше благосклонная, отвернулась от него: выяснилось, что заморский муж дочери Ольги Витальевны страдает аллергией на кошачью шерсть, и кот был оставлен на родине.

Когда я узнал об условиях, на которых мне предлагалось занять двухкомнатную квартиру в доме по соседству с Вико́й, я даже не поверил своему счастью. Никакой арендной платы, только присмотр за котом и оплата коммуналки. В общем и целом моя радость была справедливой, омрачило ее впоследствии лишь одно обстоятельство: я сильно недооценил своего нового соседа.

Происхождения кот был самого подлого – каждая помойка в нашем районе могла бы похвастать парой-тройкой точно таких же Филюш. Но в отличие от дворовых кошаков Фи-

ля был толст, нагл, бескомпромиссен, круглоглаз и при этом двулик, как тот Янус. Ольга Витальевна приезжала два раза в год не столько проверить квартиру, сколько пообщаться с драгоценным котиком, удостовериться, что попа его по прежнему подобна черному облаку, шерсть лоснится, а глаза горят непоборимым огнем. Впрочем, в присутствии женского пола, особенно родной хозяйки, Филюша чудесным образом огонь укрощал, являя свой второй лик: совершенно ангелоподобный.

Пожив с Филюшей пару недель, я всей душой возненавидел этого иезуита. Он додумался до того, что в присутствии хозяйки поджимал ушки и с неподдельным ужасом в глазах, взирая на меня, прятался за ее спину. Ольга Витальевна даже заподозрила, что я бью этого подлюгу, и собралась выселить меня ко всем чертям, и выселила бы, если бы кот сам не спалился.

Поскольку в отсутствие хозяйки и любых чужих глаз Филюша беззастенчиво налаживал со мной отношения, настойчиво отводил к мисочке и даже заставлял вычесывать любимой деревянной палкой-чесалкой, то однажды Ольга Витальевна застала его привалившимся к моей ноге, бесстыдно выставившим задницу в зенит и блаженно мурлыкающим. Филюша, конечно же, сразу поджался, сделал испуганные глазки, но всклокоченная шерсть на боках говорила красноречивее его наглой морды. Больше в инсинуации кота хозяйка не верила, и я остался жить в квартире на следующие пол-

года.

Поведение Филюши доказывало лишь одну мысль: как мало надо иметь мозгов, чтобы совершать подлости. Этому товарищу хватало мозга с грецкий орех, чтобы иметь все основные человеческие пороки: подлость, вероломство, склонность ко лжи, наушничество.

– Как дела на новой работе? Как тебе Каролина? – поинтересовалась Виктория, засовывая мою единственную сумку для бумаг в стиральную машину.

– Огонь твоя Каролина! Я себе ее иначе представлял, – ответил я.

Вика подмигнула:

– Студенты-то понравились?

– Нэ спрашивай, тувари парипадуват!

– До сих пор тувари парипадуват? – усмехнулась тетка. –

Недалеко вы продвинулись.

Кто бы говорил! Теперь-то я точно знаю: если ты ни разу не стоял перед аудиторией, безмолвный, тупой, с совершенно пустой головой, боящийся разоблачения, ты ничего не знаешь о преподавании. Ничего! Какие бы институты ты ни окончил, сколько бы диссертаций по педагогике ни защитил... Надо сказать, что насчет «тувари парипадуват» я немного преувеличил для красного словца. Моя группа уже неделю как бодро вскакивала при моем появлении и громко чеканила почти без акцента: «Здравия желаем, товарищ преподаватель!» А вот студенты из группы Кароли-

ны и Ольги продолжали упорно коверкать слова и звать молодых женщин «ПАРИподаватель». Как выяснилось, делали они это не из упрямства и не из-за сложностей русской фонетики.

– Мы говорим ПАРИпадаватэл, патаму чта пари на фарси – это ангел, – объяснил мне Мустафа – староста группы Каролины, когда я вызвал его для объяснения феномена такого избирательного косноязычия.

Оказалось, Ольга – это пари, а Каролина – пари-пари!

Виктория расхохоталась:

– То есть сначала «женщина, надень чадар», а теперь «пари»?

– Ага. Если коротко о моих студентах, то это все.

Мы еще долго сидели с Викой на кухне и гоняли чай. Я поймал себя на мысли, что ни одного из наших клиентов мы не обсуждали так увлеченно и тщательно. Мои иностранные орлы давали массу поводов к длинным разговорам.

Преподавательницы, которые работали на других группах, и даже сама Каролина иногда вызывали меня для авторитетного мужского разговора. Вместе со мной всегда приходил староста моей группы Ахмадшах. Он единственный немного говорил по-английски и мог худо-бедно служить переводчиком. И в закрытой аудитории, с глазу на глаз, мы вели самые странные, самые откровенные, самые грубые беседы в моей жизни:

– Нет, русские женщины не легкодоступные, – говорил я

и, не зная, как перевести это на английский, вынужден был долго перебирать слова. – То, что нет хиджаба – не значит, что вы можете легко получить русскую женщину.

К сожалению, английский Ахмадшаха был лишь немногим лучше его нынешнего русского. Выходило скверно. Мы обсуждали русских женщин, которых мои студенты видели на улицах и в клубах, куда начали шастать почти сразу же по приезде. Парни несколько раз звали меня с собой, но от этих предложений я всякий раз отказывался, к их немалому удивлению. В конце концов они отстали от меня, нашли таджика-гастарбайтера, который понимал фарси, так как эти языки родственные, и стали таскать его в качестве переводчика. Вопросы о том, как знакомиться с русскими девушками, понемногу утихли – видимо, проблема как-то разрешилась.

Хуже всего было то, что приходилось говорить о наших женщинах-преподавателях:

– Если Каролина и Ольга улыбаются – это не значит, что они заигрывают с вами. В русской культуре люди обоих полов улыбаются друг другу – это нормально.

– Нет, бить вас российские преподаватели не будут. Это противоречит нашей культуре преподавания. Учитель должен быть доброжелателен. Отсюда, кстати, и улыбка.

После этих бесед я выползал красный, как хорошо проваренный рак. Каролина просила пересказывать, и я думал, что провалюсь сквозь землю, однако мои рассказы только веселили ее.

– Ну они у нас мальчишки взрослые, волнуются, понятно, – хохотала заведующая, и ее пышная грудь мелко дрожала в разрезе делового черного платья.

В каком-то смысле я понимал беспокойство наших студентов. Возможно, они впервые увидели женщин в столь откровенных нарядах: с открытыми волосами, лицами, шеями и икрами. Кроме того, и Каролина, и Ольга были женщинами, мимо которых не прошел бы ни один нормальный мужчина. Синонимом Каролины можно было бы назвать слово «пышность». При этом она не была полной, скорее объемной во всех предусмотренных для этого местах и вполне себе узкой в талии, лодыжках и запястьях. Женщин этого типа принято называть шикарными. Ольга же была канонически хрупкой, высокой, статуэточной, черноволосой, но, в отличие от женщин Востока, белокожей и сероглазой, что само по себе сводило парней с ума, отвлекая их от обучения.

Виктория слушала внимательно и в итоге резюмировала:

– Значит, ничего не изменилось. Каролина все та же.

– В каком смысле? – насторожился я.

– Держит всех за ручку. Тебя держала уже за ручку?

– Нет, конечно! Ты вообще о чем?

Иногда Виктория пугала меня своими странными умозаключениями.

– О, боже мой, какие все нервные! Почему всем всегда мерещится сексуальный подтекст! Я имею в виду, что она держит за руку ментально. Она же говорит о своих студентах:

«детки, малыши». Говорит?

– Говорит, – вынужден был признать я. – Но это же не значит, что она считает их детьми...

– Это очень много значит. Мы все как бы под стражей, как говорил Платон. Язык контролирует нас, но мы не всегда контролируем нашу речь. То есть содержание-то мы худо-бедно взяли под контроль, а вот слова, которыми мы выражаем это содержание, – уже не очень. – Виктория многозначительно подняла брови, мол, согласен я или нет, но это факт бесспорный.

– Ладно, и о чем тебе говорит речь Каролины?

– О том, что жизнь Линку ничему не учит. Сколько человек на кафедре ее терпеть не может? Ты уже знаешь? Половина? Или больше? Как минимум должна быть половина.

Я пожал плечами. Виктория явно преувеличивала. Ничего такого я не заметил: студенты как студенты, кафедра как кафедра.

– С чего ты взяла, что Каролину не любят на кафедре? – поинтересовался я.

– Не может быть, чтобы любили.

– Почему? Потому что ты сама ее не любишь? Или потому что она не глупее тебя самой?

Виктория ухмыльнулась.

– Ну-ну, – промурлыкала она, радуясь неизвестно чему. – Присмотрись. Я и вправду давно ее не видела. В университете Каролина была одной из лучших. К тому же генеральская

дочка, ты в курсе?

Я был в курсе. В заведующие Каролина попала не просто так. Однако ее высокопоставленный отец уже несколько лет как вышел на пенсию, и карьерный рост нашей заведующей давно находился в ее собственных руках. Факты тоже были на стороне Каролины: несмотря на все отвлекающие факторы в виде шикарных волос, колышущихся грудей и узких юбок, к концу третьей недели ее студенты говорили ощути-мо лучше, чем студенты Ольги, и уж тем более намного лучше, чем мои. По поводу всех остальных членов кафедры я пока не мог сказать ничего. Я их еще не видел.

Трудности фонетики

Однако буквально через пару недель моей работы в институте я вспомнил слова моей тетки о Каролине, как вспоминает грешник слова духовника о Страшном суде.

Меня ждало настоящее потрясение. Я уже худо-бедно вошел в колею и, кажется, приспособился к моим необычным студентам. Хотя должен сказать, что глагол совершенного вида употреблен здесь весьма условно. Мои студенты были людьми восточными. А с восточными людьми ничего нельзя знать окончательно. Общение с ними – это процесс, у которого вряд ли можно определить конечную цель. Это не плохо и не хорошо. Просто это так. Правильнее сказать – я *приспосабливался*, и этот процесс даже начал приносить мне определенное садомазохистское удовольствие.

Мы с моими студентами мычали, жужжали, тархтели, изображая старый мотор, шипели и рычали, акали, якали, зажимали карандаш в зубах, особенно плохо нам удавалась разница между «О» и «У». Парни хвастались: «Афганистан – это большая кольтора», и я пока ничего не мог с этим поделать. Кстати, не я один: оказывается, даже компания «Кока-Кола» на языке фарси превратилась в «Куколу». «Кукола хурдан» – «Пейте кока-колу!». Так-то.

Зато согласные звуки курсанты выгалкивали с такой силой, как будто всякий раз собирались попасть в меня из пле-

вательной трубки. Сначала я думал, что они издеваются, но потом выяснилось, что в их родных языках – что в языке дари, наследнике персидского, что в языке пушту или урду – слова используются не только для передачи информации, но и для устрашения. Современные жители Афганистана ни за что не признаются в этом. Тем не менее совсем недавно это было так: говорить устрашающе считалось престижным и красивым, это означало, что мужчина силен и может защитить себя и своих женщин. Как известно, язык помнит о народе порой гораздо больше, чем хочет помнить сам народ.

Но никакие трудности с согласными и гласными не могли сравниться с произнесением великого и могучего, ужасного и непостижимого звука Ы. Ни один язык в мире не придумал такой удивительный звук. Возможно, в этом звуке и кроется вся непостижимая русская душа: левитановские пространства, раздолье, тоска и простор, загадочная русская хандра и хлебосольные застолья. Ы-ы-ы-ы.

Вот уж где нам пришлось попотеть. Но об этом чуть позже, потому что с Ы вообще вышла отдельная история. А сейчас я просто хотел сказать, что начинал привыкать к новой работе.

Еще две недели назад эти дикие дети гор были для меня на одно лицо, сейчас же я безошибочно выхватывал «своих» из черноголовой смуглолицей толпы, слоняющейся на перемене по коридору. Однажды, когда они сидели, склонившись над прописями (это порекомендовала мне, конечно, Кароли-

на – постановка письма и постановка звука идут одновременно, не знаю, как это работает, но правда – чем лучше писали мои студенты, тем внятнее и правильной становилась их речь) – я неожиданно отпустил внутреннюю пружину, которая всякий раз плотно сжималась перед тем, как я входил на территорию института, и разжималась только вечером дома, когда я кормил своего домашнего тирана Филюшу.

Но в тот день, это был примерно двадцатый мой день на группе, я вдруг как будто со стороны посмотрел на эти сложенные черные головы, немного неуклюже, непривычно сжатые в пальцах ручки, сдвинутые от усердия брови, и курсанты вдруг показались мне такими еще в сущности пацанами. Им было от семнадцати до двадцати двух. Мальчишки, у которых война украла детство, и сейчас они как будто смогли вернуться в него.

Они выводили очередную «мама мыла раму» или, что ближе к реальности, «Я студент. Я учусь в институте. Я из Ирана». Прописи нам достались от предыдущей группы: рачительное руководство решило не печатать новый тираж, пока имелся остаток прошлогоднего, поэтому ребята старательно обводили «из Ирана», зачеркивали аккуратненькой тонкой линией, а рядом криво приписывали «из Афганистана». Мы даже устроили соревнование, кто найдет больше таких остатков Ирана и исправит пропись для афганских студентов. Они с радостью взялись метить территорию: самоабвенно меняли Тегеран на Кабул, иранские риалы на афга-

ни, а студента Армана на студента Ахмада. «Я», «я», «я», – галдели они и тянули руки, стараясь получить плюсик за каждую находку. В конце уроков плюсики превращались в оценки. Им это нравилось. Лица их открывались, глаза светлели, теперь я знал, что все они умеют улыбаться, и улыбки эти необыкновенно чисты и радушны.

Но и они учили меня постоянно. Однажды, заглянув в тетрадь Ахмадшаха, я ахнул: все слова он писал ручками разных цветов, как будто плел ковер.

– Ахмадшах, почему ваша тетрадь похожа на попугая? – спросил я весело-изумленно и вывел на экран электронной доски изображение птицы, чтобы было понятнее. «Это попугай, а это – ваша тетрадь».

Ахмадшах внимательно посмотрел на доску, на несколько секунд задумался. Я повторил вопрос. Другие ребята лезли через его плечо, перегибались, заглядывали, ждали.

– Патамучта красиво, таварыщ преподаватэл, – важно ответил мне староста, демонстративно открыл колпачок оранжевой ручки и вывел следующее слово.

Теперь взгляды были обращены на меня. Староста сказал «красиво», что скажет товарищ преподаватель? В тот момент я подумал, что, возможно, в чем-то парень прав. Пусть у них свои представления о красоте. Если это не мешает делу, почему бы и нет.

– Красиво, – ответил я Ахмадшаху, и ребята одобрительно загудели.

Но стоило только мне расчувствоваться и на секунду расслабиться, как «детки» тут же попытались нагнуть меня. В перерыв я вошел в мужской туалет и застыл, не веря собственному носу: в помещении стоял резкий характерный сладковатый запах травы. Три первые кабинки были пусты, а из последней сочился дым, и слышалась напряженная тяжесть чужого дыхания, которое безуспешно старались успокоить, чем только еще сильнее выдавали себя.

– Кто здесь?

В ответ раздалось лишь шуршание и смешки.

Это было ЧП.

Конечно, мне следовало сразу вызвать подмогу, пригласить старшего дежурного, позвонить воспитателю – майору Мачихо, который продул бы непокорным товарищам уши и мозги согласно уставу, но я решил дожидаться, когда откроется кабина.

Нарушители не спешили. В туалет заглядывали другие студенты, но я закрыл внешнюю дверь и остался ждать. Начался урок. Угроза штрафа нависла уже и надо мной, но это было делом принципа. В очередной раз крикнув «открывайте», я стукнул кулаком по двери кабинки, и неожиданно дверь поддалась.

В кабинке находились трое: один парень занимался у Каролины, двое были мои – Захарулла и Мохаммад.

– Пожалуйста, товарищ преподаватель, – сказал Мохаммад, стараясь протиснуться мимо меня. Он хихикнул и об-

дал меня запахом марихуаны. Глаза его стали еще косее, чем обычно, казалось, он смотрел теперь внутрь собственного черепа.

– Стоять! – скомандовал я и положил руку ему на плечо.

– Что? – уставился сквозь себя Мохаммад, а двое его подельников напирали сзади, готовые в любую секунду поднажать и свалить меня на кафельный пол.

Разговаривать смысла не было. Они знали, что нарушили устав института и законы Российской Федерации. Я знал, что они нарушили, они знали, что я знал. Вопросы «зачем?», «почему?» и «доколе?» не имели никакого смысла. И так все понятно. Поэтому я просто сжал руку на плече Мохаммада и сказал спокойно, хотя сердце готово было изнутри выбить ребра:

– Все, что у вас есть сейчас с собой, – в унитаз.

Он вытаращился на меня непонимающе. Я повторил по слогам.

– Траву в унитаз. Всю! Быстро! – Показал пальцем на его карман, потом на унитаз и повторил: – Быстро!

Он все понял, конечно же, но замотал головой и сказал с нехорошим смешком:

– Нет. Не понимаю.

Мохаммад снова сделал попытку пройти мимо меня, но я сжал его плечо так сильно, как мог. Удерживать этого парня оказалось отдельным аттракционом. Он был с меня ростом, подтянутый, мускулистый, занимался бегом, – это я выяснил

позже, но догадался о чем-то подобном уже тогда. Его плечо едва уместилось в мою ладонь, и ему стоило лишь напрячь мышцы, чтобы моя рука соскочила. Он, конечно, понимал это, но не торопился портить со мной отношения, и я понимал, что он понимает. Парни сзади застыли в нерешительности.

– Мохаммад, – сказал я. – Сейчас делаете, как я говорю. Больше не курите. Проблемы нет.

– Проблемы нет. Все хорошо, – ответил он в свою очередь, восполнив интонацией нехватку слов и грамматических конструкций. «Проблемы и так нет, зря переживаете и отвалийте» – вот что он сказал на самом деле.

– Проблема есть, – упрямылся я и выставил руку ладонью вверх, демонстрируя, что я жду.

– Вай, преподаватэл. – Он нетерпеливо дернулся, и моя рука слетела.

Мохаммад двинулся на меня, стараясь преодолеть расстояние до двери, его товарищи тоже сделали шаг вперед, и тогда я довольно ощутимо толкнул его обеими руками обратно к стене. От неожиданности он на секунду замешкался, зыркнул на меня, на товарищей и молниеносно кинулся в мою сторону с криком:

– Саша-джан, пачиму проблема делаешь?!

Он подлетел ко мне и начал истерично хватать свою одежду, хлопать себя по бокам, выворачивать карманы. Он побави верещал и дергал руками, как огородное пугало во время

грозы. Приблизившись почти вплотную, парень всякий раз задевал меня то кистью, то локтем, стараясь ударить побольше, но вроде как выполняя мою же просьбу – демонтировать содержимое карманов. Я отступил на шаг, но Мохаммад тут же приблизился. Краем глаза я заметил, что Захарулла и третий сокуритель одобрительно улыбаются действиям своего друга. Наконец с воплем «я – нет», Мохаммад хлопнул себя в грудь как кинг-конг в хрестоматийной киносцене, подпрыгнул, выкинул вверх локоть и попал мне прямо в челюсть. У меня на секунду потемнело в глазах, но я быстро проморгался. Парни сзади хохотнули, а Мохаммад вдруг резко отступил на шаг и без тени раскаяния в голосе проговорил:

– Извини, преподаватель, случайно.

Это было уже слишком.

«Не обращайтесь на них внимания, – советовала Каролина. – Если будут навязывать свои порядки – флай Дубай. Пусть привыкают, что существуют самые разные культуры и уклады жизни».

Мы не обращали. Мы смотрели сквозь пальцы на их привычку устраивать громкие народные вече и караван-сарай по каждому поводу и без повода, на то, что они совались к нам с советами, как учить их русскому языку, на то, что торговались по поводу оценок, что лезли с вопросами личного характера, потому что понятие «частная жизнь» для них было настолько же далеко и эфемерно, как понятие о галактике

Андромеды для рядовых землян. Но некоторые вещи прощать нельзя.

Мохаммад сейчас унизил меня. На глазах товарищей. Вот тебе и цена всему их подхалимажу: «Саша-джан, Александр-ага, уважаем очень...» Конечно!

Не думая ни о неравенстве наших сил, ни о субординации и дисциплине, я врезал Мохаммаду. Подумал я только об одном – он явно сильнее, и он не один, поэтому я сделал самое простое из того, что мог сделать: подошел спокойно и, не проявляя никаких признаков агрессии, всандалил ему прямо под диафрагму. Тут главное – точно попасть. А кое-какой опыт на эту тему у меня был.

Мохаммад захлебнулся воздухом, согнулся в три погибели и вдруг отчетливо произнес «Ы-ы-ы-ы». Я уже собирался повернуться к оставшимся двоим, готовый сделать еще пару запрещенных ударов, но они не нападали, и я придумал кое-что получше.

– Вот, – сказал я, похлопав по плечу зачинщика, все еще согнутого в три погибели. – Сейчас ваше «Ы» идеально. А ну-ка скажите: Ыстро Ыбросили траву.

До них наконец дошло, что я не просто их прессую, а жестко издеваюсь. Я сильнее, я – раис. Им понадобилось лишь несколько секунд, чтобы оценить ситуацию, а потом, как по команде, парни опустили веки и... Захарулла достал из кармана небольшой сверток, подошел к ближайшему писсуару у стены, вывалил содержимое, а бумажку выбросил в мусор-

ное ведро. Раздался звук смываемой воды, и парни с сожалением посмотрели, как трава в смачно чавкающем круговом танце уплывает в канализацию. Как ни в чем не бывало мы разошлись по кабинетам. Урок прошел хорошо. Я торжествовал.

* * *

– А у вас уже были настолько дикие студенты? – поинтересовался я у Каролины после занятий.

Мне хотелось завести с ней разговор, но в последнюю неделю она была рассеянна, вечно куда-то спешила и вопреки своим обещаниям почти перестала помогать мне.

Заведующая казалась чем-то озабоченной. Она пригласила всех преподавателей на кафедру для разговора. Это должно было стать первым заседанием кафедры в моей жизни, и я внутренне даже обрадовался возможности наконец увидеть весь коллектив в сборе.

– Эти дикие? Да что вы! – рассеянно махнула рукой Каролина. – Вот к нам однажды приезжали студенты из Буркина Фасо и Мали. Это Западная Африка. Первый-то год они худо-бедно отучились, заговорили по-русски. А на второй год у них началась математика. И тут выяснилось, что они не знают не только теорему Пифагора, но даже таблицу умножения. Представляете, как весело было преподавателям? Пришлось их по учебникам третьего класса обучать – двадцати-

летних мужиков! Вот это дикие.

Каролина ободряюще улыбнулась. Однако радоваться не хотелось. Все мои добрые чувства к моим студентам были спущены сегодня в унитаз.

– Не переживайте, Саша. – Несмотря на собственную озлобленность, Каролина все-таки заметила мое настроение. – К концу семестра они попривыкнут и будут как шелковые, это у них сейчас просто отторжение чужого. Характерно для закрытых обществ. Афганистан – это все-таки довольно изолированное государство.

– Они траву курят...

– Само собой, – нисколько не удивилась заведующая. – Это их адаптоген в новой культурной среде. Главное, чтобы не на территории училища.

Она уже встрепенулась, готовая бежать дальше, собирать остальных преподавателей, но я договорил, и она резко замерла.

– ...в туалете мужском на этаже...

– Кто? – полыхнула глазами Каролина. – Срочно рапорт, Саша, и мне на стол.

Больше я ничего не успел сказать. Черт побери, может быть, я зря решил сдать их с первого же раза. Я хотел попросить не давать делу официального хода, провести беседу, застрашать, в конце концов, в общем, как-то донести всю серьезность ситуации, но момент был явно неподходящий. Вспорхнул подол темно-бордовой длинной юбки, и Кароли-

на снова понеслась по этажу с выражением лица Бэтмена: «Я спасаю мир».

Возвращаясь из столовой, я встретил Ольгу, которая как раз закончила с параллельной афганской группой. Вопреки обыкновению Ольга сегодня обедала одна. Обычно они ходили вместе с Каролиной и еще одной преподавательницей. Меня они с собой не брали, лишь церемонно желали приятного аппетита, когда проходили мимо моего стола. Это тоже была часть игры «кто раис» – негоже мужчине есть вместе с женщинами. Однажды Каролина даже принесла мне дополнительный компот с пирожками. Думаю, это был перебор.

– Бабу какую-то прислали в погонах. Свою! – С места в карьер заявила Ольга. – Сегодня после заседания останемся. Каролина будет думать, что делать.

– А что за баба? – наивно поинтересовался я.

– На твою ставку баба. Блатная. Твои часы ей хотят отдать. – Ольга сделала большие глаза и отправилась дальше.

Вот тебе и «Ы-ы-ы-ы». Я похолодел и едва смог съесть свою котлету с гречкой. Месяц назад я бы только с облегчением выдохнул от таких новостей, но теперь было уже не то. Я хотел продолжать, я хотел видеть результат, у меня были, в конце концов, счеты с Мохаммадом и Захарулой. Я не горел желанием уступать свое место никому, тем более какой-то блатной бабе в погонах.

Кафедра

Наконец я увидел кафедру в полном составе. До этого дня кроме самой Каролины я общался только с Ольгой, лаборантом Женечкой и преподавателем Эльвирой Руслановной Камаловой. Преподаватель Эльвира, как ее называли наши студенты, была женщиной непонятного возраста. В одной из почетных грамот Эльвиры Руслановны, висевших на стенде рядом с кафедрой, значилось: «за 60 лет педагогического стажа». Однако на вид женщине трудно дать больше шестидесяти пяти. Ну хорошо, семьдесят, но никак не больше. Даже если бы ей было семьдесят пять, что категорически невозможно, то начать преподавать в пятнадцатилетнем возрасте все равно довольно проблематично. Тем не менее, сомневаться в подлинности наград Эльвиры Руслановны не было никакого повода.

Описать ее педагогическое мастерство с помощью тех скудных знаний по методике, что успел приобрести за первые месяцы моей работы, я не в состоянии. Эльвира Руслановна категорически не использовала интерактивную доску и компьютер, зато обычная доска к концу ее урока покрывалась таблицами, разрисованными цветными мелками, где каждое окончание было прописано собственным цветом, примеры выведены аккуратным почерком, синтаксические связи обозначены тонкими стрелками. Как ей удавалось ма-

стерить эти методические шедевры, не отрываясь от объяснений, я не представлял.

Эльвира Руслановна окончила в свое время знаменитый РУДН – Институт дружбы народов имени Патриса Лумумбы в Москве, преподавала в Африке, в Европе, на Востоке и была единственным человеком, с которым Каролина советовалась всерьез. Сейчас Эльвира Руслановна вела занятия на старших курсах.

Помимо названных дам на кафедре работал «старый эшелон», как выражалась острая на язык Каролина. «Старый эшелон» – это трое преподавателей, которых набрала еще предыдущая заведующая и с которыми за три недели моей работы я ни разу и не столкнулся ни в коридорах, ни на самой кафедре. Сегодня я понял почему.

Каролина начала представлять нас всех по порядку.

– Зарина Андреевна Попеску, – сказала заведующая, показав на бледного вида даму лет сорока.

Что? Попеску? Это фамилия или обзывательство? Однако ни Ольга, ни Эльвира Руслановна, ни остальные присутствующие никак не отреагировали на столь странное имя.

– Зарина Андреевна Попеску ведет язык специальности на втором и третьем курсах.

И все-таки мне показалось, что Каролина не случайно произнесла ее фамилию немного вычурным манером.

Следом за Попеску сидела молодящаяся пенсионерка Валентина Петровна, тоже со странной фамилией – Эрнандес.

Эта дама вела у капитанского состава основы культуры речи и делового этикета.

– Анна Владимировна Куликова.

«Жена начальника отдела кадров», – шепнула мне на ухо Ольга.

Анна Владимировна, очень красивая молодая женщина, на вид ей двадцать шесть – двадцать восемь лет, вела русский язык у продолжающих, а также историю культуры и литературы для общего развития.

«Старый эшелон» поглядывал на меня с подозрением и без всякой дружелюбности. Когда нас представляли, ни одна из дам не удостоила меня даже кивком.

В жизни каждой отдельно взятой кафедры всегда, как в капле воды, отражается жизнь всего водоема, то есть вуза в целом. Полного химического состава этой водички я пока не знал, так что придется затаиться и понаблюдать.

Недавно я выяснил, через ту же вездесущую и всезнающую Ольгу, что Эльвира Руслановна, например, тоже из бластных: она была замужем за другом отца Каролины, и они дружили своими генеральскими семьями уже очень давно. Муж Эльвиры Руслановны скончался несколько лет назад.

– На повестке заседания у нас сегодня балло-рейтинговые показатели оценки работы преподавателей, – начала Каролина и, не делая паузы, обратилась к Попеску: – Зарина Андреевна, вот у вас по показателям получается девяносто пять баллов из ста, а у меня тут жалоба на вас от студентов.

И без того бледная Зарина Андреевна побледнела еще больше и широко раскрыла сонные глаза цвета вылинявших васильков на старой ситцевой простыне. Дама молчала, и Каролина продолжила:

– Зачем вы заставили студентов из Афганистана на разговорной практике петь три занятия подряд песню «На поле танки грохотали»?

– Для патриотического воспитания, – ответила Зарина Андреевна с обидой в голосе.

– Нулевиков-то?! – делано изумилась Каролина. – Они же чуть с ума не сошли! Какое патриотическое воспитание, если мы с ними звуки едва научились выговаривать!

– Но... – начала было Попеску, только Каролина не дала ей договорить.

– Пожалуйста, дамы... и господа! Давайте без самостоятельности! Давайте действовать согласно методическому плану! Имя, откуда приехали, где учатся. Где живут. Падеж номер шесть, падеж номер четыре, немного падеж номер два. Поиграйте в страны, города, имена. И все, хватит пока. У нас масса учебных пособий. И, кстати, Зарина Андреевна, перестаньте испанцам объяснять русский язык через латынь.

– Но испанский язык и латинский имеют много общих корней, – немного растягивая слова, начала Зарина Андреевна. – Вы же знаете, я специалист по латинскому языку. Моя диссертация...

– Я знаю про вашу диссертацию. И про любовь к латы-

ни знаю, но здесь не филфак. Зачем испанцам-связистам латынь? Они не понимают ваши объяснения.

Каролина выдержала паузу и добавила, смягчаясь:

– Не нужно, Зарина Андреевна, не усложняйте.

Зарина Андреевна подняла брови, но раздумала отвечать, опустила голову, молча показывая, что с заведующей она совершенно не согласна.

– Анна Владимировна! – переключилась Каролина.

– Да, – нежно улыбнулась хорошенькая, фигуристая Анна Владимировна, похожая на дорогую арабскую лошадку. Длинные темные волосы женщина собрала в пучок за затылке, и ее гладко зачесанная голова блестела, словно от воды.

– На вас тоже жалоба.

– Кто? Что случилось? – ахнула Анна Владимировна, чуть выпятив пухлые губки.

– Иранцы, продолжающие. Говорят, вы объясняете некрасиво, как будто сами не знаете.

– Например? – нахмурилась Анна Владимировна.

– Например, поговорку «Сизифов труд» вы объяснили буквально так: был такой мужик Сизиф, он катил на гору камень, камень каждый раз падал вниз. Короче, это означает бесполезные усилия. «Авгиевы конюшни» – был такой мужик Авгий, и был такой мужик Геракл... «Нить Ариадны» – была такая баба Ариадна, а у бабы был мужик...

– И что, вы хотите сказать, что я где-то погрешила против истины?

– Нет, но что это еще за «мужик», «баба»? Сизиф, Геракл, Ариадна – это герои греческой мифологии. Геракл – вообще только наполовину мужик, как вы говорите, а наполовину бог. Ариадна – дочь царя.

Анна Владимировна поджала губы.

– Каролина Сергеевна, я веду курсы истории культуры как у наших российских курсантов, так и у иностранцев. Уже три года. И я вам доложу, если бы вы видели, с каким страданием эти доблестные военные произносят слова «публицистика» или «тавтология». Как грустно после десяти минут письма они просят отдыха, потому что у них голова болит. Да, да, вы не ослышались: кирпичом по голове – это не болит, это нормально, а десять минут ручкой пописать – это сразу мигрень... Поверьте, Каролина Сергеевна, есть у меня опыт общения с простыми ребятами и упрощения сложного в простое. Я уверена, что эта была жалоба не от студентов.

– Нет, не от студентов, вы правы. Я сама слышала ваше занятие – мимо проходила, – тут же парировала Каролина. – С русскими студентами делайте что хотите и упрощайте как хотите. Это их родной язык, разберутся. А иностранцам извольте преподавать на литературном русском языке. Не путайте мне студентов. «Баба» – это в платочке на завалинке, «мужик» – в ушанке и в валенках, герой городецкой росписи. И не опаздывайте, пожалуйста, Анна Владимировна.

– Я прихожу вовремя, можете посмотреть мои отметки на проходной, – запальчиво ответила Куликова.

– Я знаю, что по отметкам вы приходите вовремя. Но это не значит, что вы вовремя начинаете занятия, – не собиравшись сдаваться Каролина, оставляя последнее слово за собой.

Куликова опустила глаза, но смирением это молчание и не пахло.

Каролина продолжала:

– Простите, уважаемые дамы, но я вынуждена снизить ваши общие показатели, а также просить учебный отдел поставить ваши занятия одновременно с моими. Так нам будет легче «согласовать» нашу работу.

Каролина сделала ударение на слове «согласовать», но думаю, что всем и без того было ясно, что на самом деле значит это слово.

– На сколько вы снижаете нам баллы? – подняла брови Анна Владимировна, но Каролина не успела ответить, потому что в этот момент, с шумом отодвинув стул, со своего места поднялась Валентина Петровна Эрнандес.

– Да хоть на сколько... понижайте! – воскликнула женщина. – Каролина Сергеевна, а можно вам вопрос?

Валентина Петровна высоко задирала ярко накрашенное лицо. Сквозь пудру проступала старческая краснота, со лба стекали мутноватые, перемешанные с пудрой капельки пота.

Вместо ответа Каролина смерила Эрнандес удивленным взглядом из-под очков. Кстати, очки Викина приятельница надела сегодня впервые, видимо, для солидности.

– Вы что-нибудь слышали про интерактивные методы

опережающего обучения? – спросила Валентина Петровна, краснея и волнуясь. – Мне не хотелось бы трясти тут своими регалиями, но я обучалась в свое время в школе славистики в городе Лодзь, это в Польше, и мы изучали там подходы, сходные с теми, что применяет Зарина Андреевна. Такие методы существуют, и их никто пока не запрещал. Каролина Сергеевна, каждый преподаватель думает по-своему, и я считаю, что вы не можете сбавлять наши показатели только из-за того, что мы не идем по *вашей* методике!

Валентина Петровна села, голова ее немного подрагивала: этот выпад дался ей нелегко.

– При чем тут моя методика? Разве я кого-то принуждаю? – наконец произнесла Каролина, старательно разделяя слова. В голосе заведующей зазвенел металл.

По тому, как глубоко женщины были в теме, я понял, что предыстория у разговора долгая и бьются они не первый день.

– У каждого преподавателя свое видение предмета, – прошелестела Зарина Андреевна. – Вы должны понимать, что мы не можем все как одна преподавать одинаково. Вы, конечно, делаете свою методику, это замечательно, но есть и другие...

– Что это еще за термины «свое видение предмета», «каждый думает по-своему»? – проговорила Каролина устало. – Если бы каждый преподаватель думал по-своему, мы бы никогда никого ничему не научили. И друг друга бы не понима-

ли. Мы думаем согласно тем методам и технологиям обучения, которые прописаны в образовательном стандарте. Точка. Свою методику я никому не навязываю, но требую разумного подхода к языку. Разумного. Песни они и без вас поют, и потанцуют, и в ночной клуб сходят. А сейчас поставьте им фонетику! – Каролина снова начала разгоняться, и Валентина Петровна перебила ее:

– Каролина Сергеевна, ставить фонетику – это ваша задача, вы основной преподаватель на группе, а Зарина Андреевна лишь шлифует то, что дали вы...

– Кстати, прошлый год показал, что результаты наших групп оказались на уровне, – вступила жена начальника отдела кадров. Тон ее был приторно нежен, что наводило на мысль о большом количестве скопленных, но отложенных до поры ядовитых боеприпасов. Куликова поколебалась и все-таки добавила: – Ничуть не хуже, чем ваши результаты, Каролина Сергеевна. Вы уж извините, но коль скоро в ход пошли претензии...

Каролина вскинулась при словах об экзаменах и проговорила негромко, но с явным раздражением:

– Потому что мои группы сдавали государственные тесты, а ваши – внутриинститутский экзамен, который вы сами принимали у студентов.

– Ну и что? Оценки-то одинаковые! Отчитались мы с вами на равных. Ну почти на равных, если не считать некоторых репутационных потерь с вашей стороны.

Анна Владимировна изобразила на своем хорошеньком личике сладкую улыбку и сделала особое ударение на словах «почти» и «потерь». Что она имела в виду, мне было неясно, но Каролина явно повелась: глаза ее вспыхнули, щеки порозовели, заведующая раздувала ноздри и молча с преувеличенным интересом разглядывала столешницу на кафедральном столе.

Да, это был скандал. Первое же заседание кафедры подтвердило предположение моей тетки о том, что Каролина умеет наживать себе врагов. Теперь оставалось выяснить, каким образом она это делает и как не наступить на те же грабли. Судя по полемическому задору, с которым Каролина вела заседание, сдерживать свой гнев она не привыкла и учиться не собиралась. Ни Ольга, ни Эльвира Руслановна в ход заседания не вмешивались. Каролина билась одна и была похожа сейчас на льва с вишневой, переливающейся на закатном солнце гривой.

– Каролина Сергеевна, а можно еще вопрос? – пропела Анна Владимировна и, не дожидаясь согласия, продолжила: – У нас, кажется, скоро появится новый преподаватель?

Весь вид Куликовой говорил о том, что муж уже шепнул ей на ушко: информация прошла через кадры и дело это решенное. Фактически вопрос Куликовой являлся не вопросом, а утверждением, посягательством, грубым нарушением субординации. Куликова держала удар и моментально отомстила за понижение своего рейтинга.

– Мне такая информация не поступала. На сегодня заседание окончено, – сухо ответила Каролина и вышла, не попрощавшись с коллегами.

Чаю гению!

Эльвира Руслановна, Ольга и я молча ждали, пока «старый эшелон» начесывался, красился, вертелся у зеркала и наконец, не торопясь, отчалил.

Проходя мимо моего стула, Зарина Андреевна вдруг ойкнула и остановилась.

– Что с вами? – Я поднял на нее глаза.

– Сережка упала. Кажется, закатилась под ваш стол. – Зарина Андреевна смотрела на меня внимательно. Сейчас, когда она подошла ближе, глаза ее уже не казались такими пустыми и выцветшими.

Под столом сережка не обнаружилась, и я попытался распрямиться, но Зарина Андреевна стояла слишком близко и вылезти из-под стола оказалось не так просто.

– Простите. – я слегка подвинул женщину, легонько придерживая за талию.

– Ничего, – ласково улыбнулась она и протянула на раскрытой ладони сережку в форме маленькой розочки. – Они недорогие. Просто забавный сувенир. Потерялась – может, к счастью.

Я развел руками и улыбнулся ей в ответ.

– Вот гримзы, – сказала Ольга, как только за Зариной Андреевной закрылась дверь. – Осторожнее с этой русалкой, – обратилась девушка уже непосредственно ко мне.

Я пожал плечами. Женщины сорок плюс, пусть даже хорошо сохранившиеся, меня не интересуют. Нечего и обсуждать.

– Зато ее все интересуют, – проворчала Ольга, словно прочитав мои мысли.

– А где Каролина? – перевел я тему, и Ольга с радостью откликнулась, потому что и сама поняла, что сказала лишнее.

– Отпыхивается где-то.

– Охо-хо, – вдруг вздохнула Эльвира Руслановна, но когда мы повернулись к ней, она смотрела в окно и молчала, мерно постукивая рукой по собственному колену.

– Ни ума, ни фантазии, а сколько гонору... – продолжала Ольга тихо.

– Но Каролина тоже не во всем права, насколько я понял? – наивно поинтересовался я.

Ольга посмотрела на меня как на ненормального:

– Каролина права. Эти курицы тут трудодни отсиживают, а не работают. Они при старой заведующей целыми днями Ваньку пинали, а тут их вдруг делать что-то заставили... Вот и бесятся.

– А почему они не работали при старой заведующей?

Теперь Ольга взглянула так, как будто я сказал, что не знаю, кто такой Чехов или не читал Лотмана.

– Конечно, не работали! Зарина Андреевна – сестра мужа бывшей заведующей, а Валентина Петровна была второй

любимой женой нашего московского куратора, родила ему в свое время двоих детей...

– В каком смысле второй любимой?

– В прямом – первая официальная в Москве, а вторая любимая – у нас.

Ольга рассмеялась красивым легким смехом. А я слушал и наслаждался простотой местных нравов.

– Тот московский куратор помер два года назад, а Валентину Петровну нам оставили в качестве живого завещания потомкам, потому что никто не решался отправить ее на пенсию: настолько тот московский товарищ был крут. А может, это была его последняя воля. Короче, никто не знает, и вот Валентина Петровна сидит себе премии годовые по выслуге лет выписывает, коттедж построила, сейчас вот машину внуку покупает. Работать вообще некому.

– Ясно, – пробормотал я. – А Каролина, значит, оскорбляет их серость.

– Это бы они пережили, уверяю тебя, – снова улыбнулась Ольга, продемонстрировав жемчужную ровную улыбку, идеальность которой нарушал только непокорный правый клык, который дерзко смотрел немного в сторону. Как ни странно, выглядело это суперсекси.

– Проблема в другом: Каролина начала приглашать людей со стороны, – охотно продолжала Ольга. – Сначала меня переманила, теперь вот тебя где-то выискала. С тобой вообще вышел целый спектакль. Каролина отказала шурина Вален-

тины Петровны, якобы по причине его непрофильного образования, а тебя, студента, взяла...

Теперь я понял, каким образом у Каролины образовалась резкая нехватка педсостава в начале года: ей навязывали преподавателей из своих, но она взбрыкнула, чтобы не укреплять власть «старого эшелона». Новой заведующей нужны свои люди. Теперь ясно, почему дамы смотрели на меня грустными, осуждающими и печальными глазами, словно стали свидетелями того, как я отобрал конфету у ребенка, и теперь не очень понимают, как вообще говорить с этим конченным человеком. В сущности, примерно этим в их понимании я и занимался: вместе с Ольгой мы отнимали пропитание у подраставших детей «старого эшелона», который был местами стар настолько, что имелись уже и внуки.

– Ох, Каролина – идеалистка, – неожиданно вмешалась в наш разговор Эльвира Руслановна. – За это я ее и люблю. Сама такая была.

Воцарилась почтительная пауза, но Эльвира Руслановна, кажется, снова сказала все, что собиралась, и молча продолжала смотреть в окно. Ее когда-то красивое лицо до сих пор было интересно той особенной возрастной красотой, которую придают женскому лицу живые умные глаза, любовь к себе и к жизни вообще.

– Почему вы не сказали ничего в защиту методики Каролины на заседании? – поинтересовался я у Эльвиры Руслановны.

Женщина медленно поднялась и плавно прошла по комнате в сторону кухонного уголка. В свои неизвестно сколько, но явно не восемнадцать, она оставалась стройной, миниатюрной, ее пушистые желто-белые волосы легко приподнимались от каждого движения. Не глядя на меня, Эльвира Руслановна поставила чайник, вытащила из шкафа чашки, сахар, печенье. Разложила ложечки.

– Скажу, когда надо будет, – наконец улыбнулась она. – Идеалистов у нас бьют. Это неизбежно. И вы, Сашенька, не принимайте близко к сердцу. Это всего лишь кафедра, не надо ее воспринимать как всю жизнь. Когда я молодой девочкой после института впервые пришла в университет, меня тоже старшие коллеги спросили: «Ты как здесь жить с таким характером собираешься?» Знаете, что я им ответила? «Я к вам не жить, а работать пришла. Живу я дома».

Эльвира Руслановна рассмеялась, показывая ровные зубы довольно удачного протеза. Глаза ее озорно блестели в окружении многочисленных морщинок.

– А что за репутационные потери были у Каролины Сергеевны? – спросил я и сразу понял, что попал в точку.

Дамы переглянулись. Эльвира Руслановна провела намяти куренными пальцами в перстнях по волосам. Звякнули ее многочисленные цыганские браслеты.

– Да ерунда на самом деле, – выразилась Ольга. – Развели тут...

Возможно, я выяснил бы что-нибудь еще, но в этот мо-

мент дверь открылась, и на пороге появилась сама героиня наших сплетен. Каролина была на взводе. Она отказалась от предложенного чая и нервно прошла по комнате.

– Вот если бы месяцем раньше, – задумчиво протянула она. – А сейчас – куда я дену эту бабу в погонах? Это же всю нагрузку перекраивать. А лишних часов нет.

На этих словах я нервно подпрыгнул. А Каролина посмотрела сквозь меня и проговорила:

– Надо было нам с вами, Саша, сразу на год контракт делать. Не подумала я о таком раскладе. А сейчас уже поздно: кадры не проведут. Там этот Куликов сидит. Он для своей Анечки наизнанку вывернется.

Эльвира Руслановна подошла к Каролине сзади и легко надавила ей на плечи, заставляя сесть на ближайший стул.

– Линочка, не переживай так, с этой бабой в погонах, как ты говоришь, я работала на финнах лет двадцать назад. Нормальная девчонка.

– Ничего себе девчонка – ей сорок три! – удивилась Ольга.

– Двадцать лет назад она только-только педагогический окончила. Лариса ее зовут. Отчества не помню. У нее на уроках даже финны смеются.

– Вот-вот. – Каролина сжала губы в тонкую полоску. – «Тетенька, рассмеши финна». Такие преподаватели нынче в цене. Два притопа, три прихлопа. «На поле танки грохотали». Развесели финна. Может быть, тогда лучше сразу клоунов приглашать? Зачем нам преподаватели?

Ольга с Эльвирой Руслановной рассмеялись.

– Делать-то что будем? – поинтересовалась Каролина, тоже начиная улыбаться.

– Сашу в жертву принесем, – хихикнула Эльвира Руслановна.

– Нет, Сашу нельзя – у «старого эшелона» тогда кворум соберется, будет большинство для голосования. Надо как-то и эту бабу пристроить, и Сашу по кафедре провести...

Каролина снова заходила по аудитории, размышляя. Эльвира Руслановна сделала мне и Ольге приглашающий жест и шутливо махнула рукой в сторону заведующей, мол, пусть себе думает. Откровенно говоря, это было кстати, особенно домашнее печенье, которым угощала Эльвира Руслановна: на всех этих нервах котлета с гречкой переварились так молниеносно, как будто к столовой я сегодня даже не подходил.

Все уже благополучно забыли про нашу заведующую, которая тихо сидела в углу у себя за столом, пока мы уминали печенье, как вдруг Каролина воскликнула:

– Я придумала! Я гений!

И ринулась к столу.

– Чаю гению? – поинтересовалась Ольга.

– Чаю! – Лихо взмахнув подолом, Каролина плюхнулась на свободный стул между мной и Ольгой.

Фонетические разминки

В этот день мы работали над интонацией. Вряд ли адаптация моих студентов в России прошла бы без последствий для их загорелых физиономий, если бы не эти тренировки. Они умудрялись произносить фразу: «Меня зовут Биалал» так, как будто клялись зарезать меня.

Интонация в русском языке передается строго технологично. Если голос держится на одной ноте ровно, а в конце предложения плавно уходит вниз, значит, перед вами конструкция № 1: «Это мой класс». Если интонация резко падает вниз на вопросительном слове, значит, это частный вопрос, конструкция № 2: «Кто это?», «Что это?» И так далее. Геометрия речи. Я нарисовал первые три типа конструкций на доске и думал, что минут через десять мы уже перейдем к основному материалу урока, но не тут-то было.

Несмотря на все мои рисунки и бесчисленное количество повторов, заставлять моих горячих хлопцев затихать ближе к точке было совершенно невозможно. Чего они только не творили: вскидывали головы, трясли волосами, вращали глазами и прищелкивали языками. Они орали свои имена или шептали едва слышно. Они барабанили пальцами об стол, выкрикивали проклятья на своем языке в адрес русско-го языка, взывали к Аллаху, вопрошали мирозданье и своих родственников-извергов, отправивших их учиться в страну

с такой ужасной фонетикой. В общем они делали все, что угодно, кроме того, что я от них требовал.

– Мне завут Мохамма-а-а-ад!

– Тише. – Я приложил палец к губам и показал рукой плавную волну, спускающуюся вниз.

– Мне завут Ахмадшах!

– Тиинииише, Ахмадшах.

– Билал!

– Тише.

– Билал.

– Теперь не слышу.

– Била-а-ал!

– Тише!

– О, преподавателеэль! Что хочешь?

– Меня зовут Билал. Вот так.

– О-о-о-о-о.

– Кашмир!

– Саманда-а-а-ар!

Нет, они не издевались. Парни старались, пыхтели и потели, так же как потел вместе с ними я, но все равно получалось ужасно. Только у одного из них, кажется, обнаружился музыкальный слух. Наконец я добился от Самандара нескольких фраз, смутно напоминавших русскую речь, мы записали его на телефон, после чего всем было дано задание отрепетировать, как у Самандара. Этот курсант с кошачьими глазами дичился меня больше, чем лесная рысь ди-

чится людей. Он был стеснительный и робкий мальчик. Но стеснялся Самандар не той робостью, в которой прослеживалась бы забитость ботана или ущербность омеги. Он не был изгоем. Это была скорее скромность хорошо воспитанного, очень религиозного мальчика. Скромный афганец. Раньше я думал, что это оксюморон. Впрочем, так и есть – исключение Самандара лишь лучше подтверждает общее правило.

Сначала я сомневался, понял ли он мое задание, но он тихо заверил меня, не глядя в глаза: «Да, преподаватель», и я успокоился.

Закончив занятия, я изучал на кафедре учебные планы. «Старый эшелон» потихоньку разошелся, Эльвира Руслановна потопала на занятия танго: она ходила в какой-то кружок для тех, кому за... Ольга осталась заниматься с отстающими студентами из Ирана, с теми самыми, за которыми мы дописывали прописи. Остальные студенты отправились по своим комнатам, которые располагались в соседнем здании через крытый переход.

Когда учебный этаж опустел, я отправился в лингвокабинет поискать записи с образцами интонации, так как моих усилий явно не хватало. Пройдя до конца коридора мимо пустых учебных классов, я вставил ключ, но замок не поддался. Я уже собрался уходить, решив, что дежурный перепутал ключи на щитке, как вдруг дверь кабинета открылась. На пороге стояла Каролина. Лицо ее немного покраснелось, ноздри дрогнули.

За ее спиной я разглядел моего Мохаммада, который посмотрел на меня исподлобья и тут же отвел глаза.

– Что вы хотели? – поинтересовалась Каролина, и я понял, что прервал какой-то важный разговор.

– Я по поводу...

И тут до меня дошло. Несмотря на то что рапорт я так и не составил, заведующая не оставила без внимания мое сообщение о марихуане в туалете.

Я объяснил, что пришел за записями для речевых разминок, но если заведующая позволит, то мне тоже есть что сказать по поводу поведения Мохаммада.

Каролина несколько секунд смотрела прямо мне в глаза, и во взгляде ее отразилась нерешительность. Было непонятно, уходить мне или остаться, но она вдруг сделала шаг назад, пропуская меня в класс.

Мохаммад одарил меня своим знаменитым косым взглядом и снова опустил глаза. Парень явно нарывался: он стоял вальяжно, опираясь задницей на стол преподавателя, скрестив ноги и руки.

– Курсант, почему так стоите некрасиво? – поинтересовался я, но он только непонимающе посмотрел сначала на меня, потом на Каролину, мол, чего это я вообще хочу.

– Прямо встаньте, – небрежно бросила Каролина, а Мохаммад неожиданно среагировал, хотя и в моей, и в ее фразе все слова были знакомые. У восточных людей ничего не бывает просто так – язык тела они используют не хуже обычно-

го языка. Это я усвоил прочно. Видимо, Мохаммад решил подпилить мой титул раиса.

– Что вы хотели сказать, Александр? – спросила Каролина.

– По поводу курения в туалете...

– Да, курить в туалете нельзя! Строго нельзя! Никогда! Марихуану нельзя. Анашу нельзя. Сигареты тоже нельзя! Вы меня поняли? Нельзя! – подхватила Каролина, не дав мне договорить.

– Конечно, париподаватэль, – тихо сказал Мохаммад.

Его живое лицо осунулось, стало грустным, и по всему было видно, что даже мысль о разлуке с Мариванной давалась ему нелегко.

– Преподаватель, – строго поправила Каролина.

– Париподаватель, – повторил Мохаммад, намеренно искажая, и улыбнулся.

– Идите в комнату, – махнула рукой Каролина, после чего повернулась ко мне. – Он один курил?

– Нет, я, кажется, говорил... – начал я и замолчал, потому что вспомнил, что тогда перед заседанием кафедры, когда она носилась как ужаленная, я не успел назвать имен курильщиков. Значит, они тут разговаривали не о марихуане... Интересно, о чем?

– Он был с Захаруллой и с одним из ваших, кажется, Мустафа, – сказал я.

– Да. Спасибо. Поняла. – Она выпрямилась и твердо про-

говорила, глядя мне в глаза слегка сощурившись, без улыбки, но как-то на удивление мягко. Так она, оказывается, тоже умела. – Пока рапорт не пишете, хода не будем давать.

– Я сам хотел просить вас об этом, – ответил я, опуская глаза, чтобы она не заметила, что я знаю о том, что она со-
врала мне.

Каролина слегка улыбнулась, показывая, что разговор окончен, повернулась на каблуках и бросила уходя:

– Ищите свои записи, удачи!

Она вышла, покачивая бедрами, как каравелла на легких волнах.

Пока Каролина ни словом не обмолвилась про свой гениальный план, который позволил бы и меня на кафедре оставить, и блатную бабу в погонах устроить. Впрочем, наши студенты успевали подкидывать сюрпризы с такой скоростью, что о бабе на какое-то время все вообще забыли.

Я чилавэк багатый

Мой кот Филюша проворачивал один и тот же эксперимент каждый день: проверял границы моего терпения. Через месяц совместного проживания между нами установилось хрупкое равновесие, и мы почти не спорили на тему, кто в доме хозяин. Мы поделили территорию: кухня, коридор, лоджия и пространство за диваном – территория кота, все остальное – мое. Тем не менее границы постоянно пытались пересмотреть в одностороннем порядке: мне регулярно предъявлялись претензии в виде ночного ора, нот протеста в форме коричневых бомбочек посередине зала, однажды на меня даже было совершено дерзкое разбойное нападение. Растопырив лапы, Филюша выскочил из-за дивана и что было дури вцепился зубами в ахиллесово сухожилие. Пришлось отлавливать засранца и, придерживая его за шкуру, садиться напротив на корточки, наглядно демонстрируя, что ноги, которые он видит из своей диванной шахты, далеко не весь противник, а лишь его небольшая часть. Увидев мой размер целиком, кот как-то горько вздохнул и отвел взор. С тех пор этот шахтер только злобно зыркал из своего забоя, когда я проходил мимо дивана, однако нападать не решался. Впрочем, поражение на одном из фронтов не мешало этому черношерстому борцу за права кошек гадить хозяевам, придумывать новые козни: я был начеку каждый день.

Приблизительно в этой же поведенческой парадигме существовали и наши студенты-афганцы. Курсанты, словно дикие коты, постоянно выпускали когти, прощупывая, где же они смогут продавить, а куда лучше не соваться. Только мы более-менее разъяснили историю с марихуаной, как на следующий же день возникло новое чрезвычайное происшествие.

Зайдя утром на кафедру, я застал там скандал. «Старого эшелона» на месте еще не было, и разговор на повышенных тонах происходил, как это ни странно, между Ольгой и Каролиной. Эльвира Руслановна сидела в стороне, наводила утренний маршфет, краем глаза наблюдая за молодыми коллегами.

– Я уже пригласила и все заказала! – услышал я голос Каролины еще за дверью.

Я постучал и вошел, но дамы не обратили на меня никакого внимания.

– Лина, я тебя очень прошу, давай отменим, – возражала Ольга, и по ее раздраженному тону было ясно, что спорят они уже давно. – Неужели не понятно, они же все в этом участвовали. Все до одного! Если мы сейчас будем им праздники устраивать и пирогами кормить, они подумают, что так и надо... Что мы одобряем, и значит, можно с нами так...

– Ради бога! – перебила ее Каролина и рассмеялась. На лице ее появилось презрительное выражение. – Ты же не хочешь сказать, что за проступок одного мы будем всех маль-

чишек наказывать?

– Хочу! Так обычно в подобных случаях и делается! – с обидой в голосе воскликнула Ольга.

– Да и что это за проступок? – продолжала Каролина, нервно откинув волосы. – Ну проводил тебя парень до дома...

– Проводил?! Лина, ты что! Это называется – преследовал, а не провожал. И не до дома. Я была вынуждена кружить по городу, чтобы он меня не выследил и адрес не узнал... – Ольга почти кричала. Глаза ее были полны слез.

– А вот это уже вообще лишнее. Ничего бы он тебе не сделал, – легкомысленно бросила Каролина. – Студенты часто влюбляются в преподавателей. Никто еще не умирал.

– Мы не можем знать, Каролина, как они себя поведут! – Ольга сменила тон на умоляющий. – Они же дети гор. Билал, между прочим, повис на мне и требовал «пари, дай губы», а когда я попыталась его оттолкнуть, начал сползать по мне, как по стволу дерева, и в итоге кончилось тем, что он поставил меня на колени посреди улицы. Я вернулась домой в рваных колготках, с синяками на ногах. Разве это нормально? А если бы людей не было, он, может быть, и в кусты меня завалил, откуда мне знать? Я испугалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.